

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки 2026. Вып. 3. С. 15—20.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 3. P. 15—20.

Научная статья

УДК 821.161.1:821.133.1:801.73

EDN <https://elibrary.ru/apxkow>

DOI: 10.46726/H.2026.3.2

ПРУСТОВСКИЙ ПРЕДТЕКСТ В ПОВЕСТИ А.М. РЕМИЗОВА «УЧИТЕЛЬ МУЗЫКИ»

Александр Николаевич Таганов

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, shishtag@mail.ru

Аннотация. На примере одной цитаты из романа Марселя Пруста «В поисках утраченного времени», присутствующей в книге А.М. Ремизова «Учитель музыки», в статье рассматривается роль прустовского предтекста в творчестве русского писателя — проблема, которая еще не рассматривалась в литературоведении. При всем различии произведений двух авторов в них довольно неожиданно обнаруживаются общие черты. Своего рода связующим звеном, объединившим художественные миры этих писателей, становится достаточно часто встречающееся во французском языке слово-междометие “zut”, которое, не обладая конкретным семантическим значением, может спонтанно выражать различные эмоциональные реакции на внешние события как позитивного, так и негативного планов. У Ремизова, как и у Пруста, это слово связано с состоянием главных персонажей, возникшим в конкретных обстоятельствах в определенный момент существования, но которое в силу своей сложности, многоплановости и неопределенности остается непроясненным. Учитывая автобиографическую основу прозы Пруста и Ремизова, вполне закономерно переносить внутренний жизненный опыт «переживания» жизни их главных персонажей на самих авторов, которых объединяет непрерывный поиск новых художественных принципов и форм, необходимых для постижения глубинных слоев внутренней жизни личности. Прустовское “zut” органичным образом входит в текст Ремизова в качестве интермедийного элемента, привнося с собой и тот смысл, который заложен в нем автором «Поисков».

Ключевые слова: А.М. Ремизов, М. Пруст, «зют», интертекст, предтекст

Для цитирования: Таганов А.Н. Прустовский предтекст в повести А.М. Ремизова «Учитель музыки» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 15—20.

Интертекстуальная составляющая такой сложной в жанровом плане автобиографической книги А.М. Ремизова, как «Учитель музыки», весьма обширна и разнообразна. Основную роль в ней, естественно, играет русская литература и в первую очередь «гоголевский текст». В этой связи отсылка к прустовскому предтексту может выглядеть несколько неожиданной и даже неоправданной, поскольку художественные миры и эстетические ориентации этих писателей довольно далеки друг от друга. Однако, несмотря на принципиальное несходство творчества Марселя Пруста и Алексея Михайловича Ремизова, попытки их сопоставления в литературоведческих исследованиях существуют. При всем различии художественных систем двух писателей в них достаточно неожиданно обнаруживаются общие черты. Это сходство приобретает, на первый взгляд, случайный характер, однако при более внимательном взгляде оказывается закономерным, свидетельствуя о близости поисков в сфере литературного языка (см.: [Амелия; Дубровина; Таганов 2025b]). При всем том, что их писательская деятельность

развивалась примерно в одно и то же время, очевидно, что для Пруста творчество русского писателя осталось совершенно неизвестным. Что касается Ремизова, здесь стоит прислушаться к С.Н. Дубровиной, которая замечает: «Судя по всему, имя Пруста входило в круг имен, к которым писатель испытывал постоянный интерес» [Дубровина: 148].

Непосредственное подтверждение знакомства автора «Учителя музыки» с творчеством автора романа «В поисках утраченного времени» можно найти как в его художественных произведениях, так и в переписке. В одном из писем к Н.В. Кодрянской от 20 апреля 1949 года, говоря о Ядвиге Владиславовне Прескель, Ремизов рассказывает: «Принесла переписанные на машинке Басни. Я ей сказал, что она пишет не по-русски. Она не обиделась, а очень удивилась. И я услышал знакомое вам, о André Gide, его отзыв о Прусте, что пишет не по-французски, а между тем, Пруст — имя! О Толстом и Достоевском, о их ошибках и опять имя» [Кодрянская: 118].

В художественных произведениях упоминание французского писателя встречается крайне редко, хотя и там внимание к Прусту проявляется, как это происходит, например, в книге «Иверень: Загогулины моей памяти»: «Изоцряя память на сны, я каждое утро записывал сон. Так и осталось на всю жизнь. Для писателей это очень полезно: помогает набить руку, да и памяти работа, и не дневная — по верхам, а до корней. Из моего, как сам я понимаю, толк невелик, но если бы писатели одаренные, с глазом, с ухом, с сердцем, “недотроги”, на которых все действует, попробовали развить в себе эту коренную память на “ночное”, бобровую перекоп, литература приняла бы, я уверен, совсем другую форму, она была бы ближе к Прусту и много было бы в ней и чудного, и чуждого с теми приятными и неприятными неожиданностями, какие бывают только во сне» [Ремизов 8: 277].

Другой пример находим в автобиографической повести «Учитель музыки», точнее, в одной из подглавок второй части книги, в которой упоминается имя Пруста и приводится цитата из его романа «В поисках утраченного времени», что, с одной стороны, можно воспринимать как случайный эпизод, а с другой — повод для изучения общих мест в творчестве этих писателей. Сама по себе упомянутая цитата мало что говорит, пожалуй, лишь свидетельствует о том, что автор читал произведения Пруста. Однако, видимо, имя французского писателя все-таки не по воле случая прорывается в тексте Ремизова. Во всяком случае, все это провоцирует на типологические сопоставления. Так, по мнению С.Н. Дубровиной, сходство в произведениях русского и французского авторов можно наблюдать на языковом уровне: «Соперничеством с Прустом выглядит эксперимент Ремизова в “Учителе музыки” в числе других “опытов со словом” — “построить фразу «одним духом» без остановки — полстраницы без точки»» [Дубровина: 148]. Слова, помещенные в кавычки, принадлежат Ремизову и взяты исследовательницей из его письма Н.В. Кодрянской: «В “Учителе музыки” я делаю всякие опыты со словом. (Все это возможно, только владея языком). Я хочу непременно показать вам. Например: постройте фразу “одним духом” без остановки — 1/2 страницы без точки. Одно меня пугает: моя мелочная автобиография скучная вещь» (9 февраля 1949) [Кодрянская: 112].

Весьма любопытно, что своего рода связующим звеном, объединившим художественные миры двух писателей, становится достаточно часто встречающееся во французском языке междометие “zut”, которое, не обладая конкретным семантическим значением, может спонтанно выражать различные эмоциональные реакции на внешние события как позитивного, так и негативного планов. У Пруста оно возникает в одном из эпизодов первой части романа «В поисках утраченного времени», которая носит название «В сторону Свана». Речь идет о впечатлении рассказчика от, казалось бы, совершенно незначительного события. Прогуливаясь

после дождя в «сторону Мезеглиза», главный персонаж-повествователь замечает отражение в воде пруда черепичной крыши старой халупы служащего у композитора Вентейля садовника, в которой он хранил свои инструменты. Игра солнечного луча на поверхности воды и на стене постройки завораживает рассказчика и вызывает у него необычайный энтузиазм, заставляя его четырехкратно воскликнуть: “Zut! zut! zut! zut!”: “Le toit de tuile faisait dans la mare, que le soleil rendait de nouveau réfléchissante, une marbrure rose, à laquelle je n'avais encore jamais fait attention. Et voyant sur l'eau et à la face du mur un pâle sourire répondre au sourire du ciel, je m'écriai dans mon enthousiasme en brandissant mon parapluie refermé: “Zut, zut, zut, zut.” Mais en même temps je sentis que mon devoir eût été de ne pas m'en tenir à ces mots opaques et de tâcher de voir plus clair dans mon ravissement” [Proust 1 1954: 155]. (В переводе Н.М. Любимова этот эпизод представлен так: «Черепичная крыша провела в пруду, который вновь стал прозрачным, розовую прожилку — прежде я на нее не обращал внимания. Увидев на воде и на стене бледную улыбку, отвечавшую улыбке солнца, я, размахивая сложенным зонтом, в полном восторге закричал: “Ух ты, ух ты, ух ты, ух ты!” Но я тут же почувствовал, что не имею права довольствоваться этими ничего не значащими словами, что я должен пристальнее взглянуть в мое восхищение» [Пруст 1973: 179—180]).

Важно, что передача невнятного восклицания на общепонятный язык представляется герою Пруста, как и самому автору, весьма сложным, поскольку оно обусловлено столь же непонятным внутренним переживанием реального мира, порожденного спонтанными ощущениями. Оставаясь непроясненным, этот эмоциональный всплеск, тем не менее, получает своего рода имя, которым становится непроизвольный вскрик повествователя — “zut” (См. подробнее: [Таганов 2025a]).

Именно этот прустовский эпизод присутствует в виде уже приведенной цитаты в книге «Учитель музыки». Правда, слово “zut” возникнет в тексте Ремизова несколько ранее прустовского предтекста и будет существовать в нем и далее вне процитированного отрывка. Оно возникает в анекдотической ситуации, которая сама по себе является воплощением неопределенности и необъяснимости. В один из дней главный герой произведения, Корнетов, разбуженный рано утром консьержкой-француженкой, которая приносит книгу — «давножданного Дон Кихота» [Ремизов 9: 121], переданного Корнетову, как она уверяет, накануне в 11 часов вечера его знакомым — Балдахалом. В то же утро консьержка, встретив Корнетова на площадке перед лифтом, устраивает ему скандал то ли потому, что ни принесящий книгу, ни ее получатель не дали ей чаевых, то ли потому, что это случилось так поздно, или же по той причине, что ей послышалось, будто Корнетов, получая книгу, произнес “zut”. Абсурдность ситуации заключается в том, что, как вспоминает ремизовский герой, все было совсем не так. Он лишь «спросил консьержку, взяв Дон-Кихота, — “onze heures du soir?” — (“в одиннадцать вечера?”) и как из этих слов вышло “zut” — непостижимо, и что значит это “зют”?» [Там же: 122].

Загадочное превращение фразы «в одиннадцать вечера» в «зют», которое консьержка воспринимает как ругательство и оскорбление, вызывает у Корнетова желание понять значение этого неведомого откуда взявшегося слова, но ни его смысл, ни сама ситуация не поддаются точному пониманию. За разъяснением он обращается к знакомому молодому ученому, который закончил Школу Восточных языков. Рассказывая ему о набросившейся на него консьержке, герой жалуется, что за «весь героический период русской революции в Петербурге» [Там же: 123] с ним ничего подобного не случалось, никто на него так не набрасывался. Его собеседник сочувствует ему, но не может дать точного ответа: «Да это похуже будет, — сказал ученый, — и нигде на них (консьержей. — А. Т.) управы не найти. Это дело оставьте. А слово “зют”... вот пример из Пруста: “Et voyant sur l'eau et à la face du mur un

pâle sourire répondre au sourire du ciel, je m'écriai dans mon enthousiasme en brandissant mon parapluie refermé: «Zut, zut, zut, zut...» Я затрудняюсь перевести, только ничего особенного, вроде “оставьте меня в покое» [Там же: 123].

Указанное слово, как мы видим, в тексте Ремизова не переводится точно с языка на язык, но не истолковывается оно однозначно, как показывает опыт Пруста, и в рамках родного языка. Персонаж Ремизова пытается найти его значение в авторитетном французском словаре: «Корнетов взял Ларус и отыскал слово “зют”: “зют” означало le mépris (досада), le dépit (презрение) и l'indifférence (все равно) — это стало быть вроде русского “цыц!”». А ведь первое, что он подумал, когда из крика вырвалось это “зют”, что это “Nord-sud” (нор-сюд) — метро, и мысленно пробежал он тогда от Порт-де-Версай к Порт-де-ля-Шапель и от Порт-Майо к Порт-де-Венсен — конечным станциям Нор-сюд. Теперь он “зют” с “сюд” не спутает, и бегать никуда не нужно» [Там же: 126].

Возникшее таким образом слово рождает у Корнетова массу разного рода эмоций, нарушает устойчивость его жизни, заставляя выстраивать свое отношение к сложившейся ситуации, анализировать свое поведение, круто менять жизнь и в конце концов даже сменить место жительства. «Зют» — слово-фантом, слово-призрак, становится фактором, управляющим корнетовской судьбой. У Ремизова, как и у Пруста, оно связано с состоянием, родившимся в конкретных обстоятельствах в определенный момент существования, но которое в силу своей сложности, многоплановости и неопределенности остается непроясненным. Вместе с тем «зют» продолжает присутствовать во внутреннем мире героя, беспокоить его. Весьма важно, что у персонажей Пруста и Ремизова оно имеет совершенно разное эмоциональное наполнение. У Корнетова это слово носит негативный оттенок, тогда как прустовский Марсель вкладывает в него восторженную реакцию на внешние явления. Однако в обоих случаях оно одинаково служит словесно-звуковому оформлению отклика «внутреннего я» на внешние события. У Ремизова «зют» становится наименованием определенного момента жизни, который остается в памяти героя, и обречено отныне на постоянное присутствие в ней, подобно тому, как у Пруста такими наименованиями становятся «мадленка», «боярышник», «Комбре» и т. п. Поначалу это слово возникает как нелепая случайность, формируясь причудливым и непонятным для героя образом из фразы “onze heures du soir?”. Родившись, оно начинает жить самостоятельной жизнью, вбирая в себя всю гамму переживаний «внутреннего я» героя, обретая власть над ним, и заставляет искать его смысл, вовлекая в этот процесс других людей, точно так же как это происходит с персонажем Пруста, который хочет поделиться своими чувствами с встречным крестьянином. Корнетов поочередно обращается к разным людям, пытаясь прояснить суть мучающего его слова. В результате этот процесс принимает комический оттенок и типологически может напомнить (какой бы неожиданной ни была эта ассоциация по отношению к книге Ремизова) знаменитый вопрос раблезианского героя Панурга по поводу его женитьбы, с которым он обращается к огромному количеству людей и разного рода источников, дабы найти на него ответ.

По ходу повествования хромотопные и экзистенциальные параметры корнетовского «зют» расширяются. Корнетов переезжает на новую квартиру, меняет образ жизни, трансформируется его эмоциональный фон. При всем различии чувственной гаммы «зют» у героев Пруста и Ремизова, слово это обусловлено одной причиной — желанием выразить невыразимое внутреннее состояние человека конкретными вербальными средствами и вместе с тем осознанием невозможности достичь этого.

Учитывая автобиографическую основу прозы Пруста и Ремизова, вполне закономерно переносить внутренний жизненный опыт «переживания» жизни их

главных персонажей на самих авторов, которых объединяет непрерывный поиск новых художественных принципов и форм, необходимых для постижения глубинных слоев внутренней жизни личности. Впрочем, подтверждение того, что корнетовское слово «зют» имеет непосредственное отношение к Ремизову, можно найти и в самой книге, поскольку им озаглавлена анализируемая нами часть произведения, которая открывается следующим авторским признанием: «Русскому человеку иностранный язык дается не словарем, а горбом. Знаете ли вы, что такое “zut” (зют)? — И я очень хорошо знаю» [Там же: 113].

Именно литературное творчество становится для Пруста и Ремизова главным способом освоения глубинных слоев жизни через погружение в свое «внутреннее я», что, в свою очередь, связано с зачастую мучительными и не всегда успешными поисками художественного языка, способного справиться с подобной задачей. Особенно отчетливо это проявляется в автобиографической прозе, где прустовское “zut” приобретает универсальный характер. То, о чем говорит Пруст, затрагивает остро стоящую в литературном творчестве проблему возможности адекватного выражения с помощью языка внутреннего состояния человека. С ней так или иначе сталкивается всякий большой художник, стремящийся к точному отражению глубинного мира человека.

В этом плане линия компаративистского сопоставления Пруст—Ремизов может быть продолжена. Подтверждением тому может служить, например, наблюдение В. Вейдле, который, говоря о книге Бунина «Жизнь Арсеньева», пишет: «Юного Марселя мучит та же потребность и та же недостижимость выражения, что и сверстника его Арсеньева, и он мог бы повторить за ним: “Выйдя на балкон, я каждый раз снова, до недоумения, даже до некоторой муки, дивился на красоту ночи: что же это такое и что с этим делать!” Разве это не похоже на знаменитое “zut! zut! zut! zut!” Пруста, на его незнание, как выразить то, что он чувствует при виде мартэнвильской колокольни, на такое же его недоумение перед нетронутой, сияющей пеленою мира, за которой таится что-то, чего нельзя уловить иначе, чем в творческом акте, создающем художественное произведение» [Вейдле: 180]. Кроме Бунина в этот ряд могли бы попасть Цветаева, Пастернак и многие другие.

Прустовское “zut” органичным образом входит в текст Ремизова в качестве интермедийного элемента, привнося с собой и тот смысл, который заложен в нем автором «Поисков». Частный, казалось бы, эпизод текста Ремизова и обращение к прустовскому предтексту оказываются весьма важными для понимания его эстетической позиции и специфики стиля.

Список источников

- Ремизов А.М. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Русская книга, 2000—2003.
 Пруст М. В поисках утраченного времени: По направлению к Свану / пер. с фр Н. Любимова. М.: Художественная литература, 1973. 464 с.
 Proust M. A la recherche du temps perdu, T. 1. Paris: Gallimard, 1954, 1003 p. (Bibliothèque de la Pléiade)

Список литературы / References

- Амелия А. де. Автобиографическое пространство Алексея Михайловича Ремизова // Ремизов А. Учитель музыки. Каторжная идиллия. Paris: La Presse Libre, 1983. С. I—XXXIII. (Amelia A. de. Autobiographical space of Alexei Mikhailovich Remizov, *Remizov A. Music teacher. Penal idyll*, Paris, 1983, pp. I—XXXIII. — In Russ.)
 Вейдле В. На смерть Бунина // Вейдле В. Умирание искусства. М.: Республика, 2001. С. 177—185.
 (Veidle V. On Bunin's death, *Veidle V. The Dying of Art*, Moscow, 2001, pp. 177—185. — In Russ.)

- Дубровина С.Н. Французская традиция в творчестве А.М. Ремизова // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010. М., 2010. С. 141—151.
(Dubrovina S.N. French tradition in the works of A.M. Remizov, *Yearbook of the A. Solzhenitsyn House of Russia Abroad*, 2010, Moscow, 2010, pp. 141—151. — In Russ.)
- Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. Париж, 1977. 417 с.
(Kodryanskaya N. Remizov in his letters, Paris, 1977, 417 p. — In Russ.)
- Слобин Г.Н. Проза Ремизова 1900—1921. СПб.: Академический проект, 1997. 206 с.
(Slobin G.N. Remizov's prose 1900—1921, St. Petersburg, 1997, 206 p. — In Russ.)
- Таганов А.Н. «Непрозрачные» слова в структуре романа Марселя Пруста «В поисках утраченного времени» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025а. Вып. 4. С. 39—45.
(Taganov A.N. "Opaque" words in the structure of Marcel Proust's novel "In Search of Lost Time", *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2025a, iss. 4, pp. 39—45. — In Russ.)
- Таганов А.Н. Русская литература и Марсель Пруст: влияния, рецепция, типология. М.: ИНФРА-М, 2025b. 398 с.
(Taganov A.N. Russian literature and Marcel Proust: influences, reception, typology, Moscow, 2025b. 398 p. — In Russ.)

PROUSTIAN PRETEXT IN A.M. REMIZOV'S STORY "THE MUSIC TEACHER"

Alexandr N. Taganov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, shishtag@mail.ru

Abstract. Using a quote from Marcel Proust's novel "In Search of Lost Time", found in A.M. Remizov's book "The Music Teacher", this article examines the role of Proust's pretext in the Russian writer's work — a problem that has not yet been studied in literary criticism. Despite the differences between the two authors' works, they unexpectedly reveal commonalities. The frequently encountered French interjection "zut" serves as a kind of a connecting link, uniting their artistic worlds. Although it lacks a specific semantic meaning, it can spontaneously express various emotional reactions to external events, both positive and negative. In Remizov, as in Proust, this word is associated with the state of the main characters, arising in specific circumstances at a particular moment in their lives, but which, due to its complexity, diversity, and uncertainty, remains unclear. Considering the autobiographical nature of Proust and Remizov's prose, it's entirely logical to project the inner experience of "living" the lives of their main characters onto the authors themselves, who are united by a continuous search for new artistic principles and forms necessary for comprehending the deep layers of the individual's inner life. Proust's "zut" organically enters Remizov's text as an intermedial element, bringing with it the meaning intended by the author of "A Search".

Keywords: A.M. Remizov, M. Proust, "zut", intertext, pretext

For citation: Taganov A.N. Proustian pretext in A.M. Remizov's story "The Music Teacher", *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2026, iss. 3, pp. 15—20.

Статья поступила в редакцию 02.03.2026; одобрена после рецензирования 03.04.2026; принята к публикации 19.06.2026.

The article was submitted 02.03.2026; approved after reviewing 03.04.2026; accepted for publication 19.06.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Таганов Александр Николаевич — доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, shishtag@mail.ru, SPIN: 8947-6147

Taganov Alexandr Nikolaevich — Doctor of Sciences (Philology), Professor of Foreign Philology Department, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, shishtag@mail.ru